

© Алаудинов А.А.¹, Манойло А.В.², © Стригунов К.С.³

Специфика неклассических войн и их влияние на фрагментацию международной системы

Аннотация. В статье рассматриваются примеры связанных рядом стран Запада неклассических войн и их отличия от классических войн, в том числе иррегулярных и асимметричных. Данные различия показаны на примере войн в Боснии, Афганистане и Сирии. Особое внимание уделено фактору опосредованности. Авторы показали, что опосредованность не может являться критерием, с помощью которого возможно различать классические войны и неклассические. Сделан вывод, что в классических иррегулярных и асимметричных войнах государство оказывает поддержку уже существующим политическим режимам или военно-политическим движениям. В неклассических войнах, особенно в их гибридных формах, основная ставка делается на иррегулярные параметрические формирования, аккумулируемые и реорганизуемые в государстве-мишени из разных регионов мира с использованием сетевых и сетевоцентрических методов. Этим фактически создается мощный конгломерат

¹ Алаудинов Альты Аронович – кандидат политических наук, командир спецназа АХМАТ – заместитель командира 2-го армейского корпуса 8-й армии ЮВО МО РФ.

² Манойло Андрей Викторович – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, ИИОН РАН; профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, Московский институт международных отношений (Университет) МИД РФ; cyberhurricane@yandex.ru

³ Стригунов Константин Сергеевич – кандидат политических наук, ведущий аналитик Ассоциации специалистов по информационным операциям; sks6891@gmail.com

иррегулярных формирований, на которые делается основная ставка в неклассической войне гибридного типа. Вместе с тем отмечается, что использование средств, методов и технологий неклассических войн приводит к фрагментации международной системы и тем самым дестабилизирует ее. Через неклассические войны возможно обходить международные институты и достигать военно-политических целей, сопоставимых с теми, которые достигаются с помощью средств и методов классических войн. В качестве основных методов исследования, помимо общенаучных методов (анализ, синтез, индукция, дедукция), в настоящей работе применялись сравнительный подход, позволивший выявить сходства и различия между некоторыми классическими и неклассическими войнами, связанными странами «коллективного» Запада, а также системный подход, позволивший рассмотреть негосударственных акторов как системы, на которые влияют внешние факторы, прежде всего – государства. Работа выполнена на основе концепции неореализма, согласно которой все большую роль на мировой арене играют негосударственные акторы.

Ключевые слова: неклассические войны, гибридные войны, иррегулярные войны, опосредованные войны, страны «коллективного» Запада, фрагментация.

Введение

Современные специалисты в сфере мировой экономики и международных отношений, говоря о фрагментации мирового пространства в целом и самой системы международных отношений в частности, чаще всего имеют в виду два процесса: регионализацию и интеграцию. Регионализация ведет к фрагментации мирового пространства, разделению его на регионы, а те, в свою очередь, – на сегменты, кантоны и кластеры, делая картину все более мозаичной; интеграция, напротив, должна собирать элементы этой мозаики в единое целое. Однако в случае интеграции процессы укрупнения, как правило, идут нелинейно, что приводит к формированию более крупных объединений, расколы между которыми в процессе их дальнейшего укрупнения становится еще глубже. Таким образом, даже интеграция может способствовать фрагментации.

Одним из факторов, влияющих на фрагментацию международной системы, являются международные вооруженные конфликты, среди которых особо выделяются современные некласси-

ческие войны. В целом неклассические войны представляют собой комбинацию конвенциональных и неконвенциональных форм вооруженной борьбы, к которым примыкают и такие формы «выяснения отношений» между странами, как война информационная, дипломатическая, торговая, гибридная, когнитивная и т.д. Все эти формы активно используются мировыми лидерами в различных регионах мира, но, в зависимости от специфики региона и конфигурации интересов ведущих игроков, используются по-разному – в разных сочетаниях и комбинациях, с учетом региональных (пространственных) и страновых (объектно-субъектных) различий. Результатом ведения неклассических войн становится внесение расколов в существующие региональные и мировые балансы, что также ведет к фрагментации. Таким образом, цель настоящего исследования – выяснить, как именно современные формы ведения войны (неклассические) влияют на фрагментацию мировой системы и какие угрозы и вызовы международной безопасности из этого следуют.

Отличия неклассических войн от классических войн

Для изучения проблематики современных неклассических войн следует определиться с понятийным аппаратом, используемым в настоящей статье. Упоминаемые *неинтервенционные элементы насилиственного контроля* или НЭНК – это составляющие насилиственного контроля (войны), не относящиеся к применению собственно вооруженных сил. К ним относятся: информационно-психологические операции (включая информационные атаки и фейковые новости), кибероперации, экономическое давление, санкции, торговые войны, финансовые атаки, политико-дипломатическое воздействие, применение сетевых групп, подрывная работа спецслужб, массовое использование некоммерческих и неправительственных организаций (НКО, НПО), работающих в интересах агрессора, и т.п. [Стригунов, Манойло, 2019].

Классическая война – это вооруженный конфликт, в котором достижение военных целей осуществляется с помощью вооруженных сил (используется прямая военная сила), а неинтервенционные элементы насилиственного контроля выполняют второстепенную роль.

Неклассическая война – это вооруженный конфликт, в котором военные цели достигаются с использованием НЭНК [Стригунов, 2023, с. 25].

Если в классических войнах НЭНК выполняли второстепенную роль, то в неклассических войнах их роль доминирующая.

При исследовании неклассических войн, осуществляемых странами «коллективного» Запада (США, Великобритания и др.), немаловажным является определение роли *опосредованности*, под которой понимается отсутствие использования прямой военной силы. Применение информационно-психологических операций, кибератак или экономических санкций может осуществляться напрямую. Если считать, что опосредованность в этом смысле является и необходимым, и достаточным условием для того, чтобы отличить классические войны от неклассических, то придется признать неклассическими и войны прошлых эпох, например, Нового времени, когда те или иные монархи использовали своих вассалов для нападений на своих противников (как это делал Людовик XIV). Однако мы полагаем такой подход ошибочным. В действительности опосредованность, т.е. отказ от применения прямой военной силы или ограниченное ее использование, является условием необходимым, но не достаточным для того, чтобы различать классические войны и неклассические. Анализируя войны с точки зрения опосредованности, можно говорить о том, что в прежние эпохи имели место «зачатки» неклассических войн. Тем не менее войны прошлого существенно отличаются от современных неклассических войн.

Фактор опосредованности в войнах

Опосредованность в вооруженных противостояниях имела место и в Новое время, и в Новейшее время, и в годы холодной войны, и в постбиполярную эпоху. Например, во время войн во Вьетнаме, Афганистане или Анголе обе сверхдержавы – СССР и США – опосредованно противостояли друг другу. Во время Югославских войн на стороне сербов выступали Россия, Греция, Болгария; на стороне хорватов – Германия, США и др.; на стороне боснийских мусульман – Турция, Иран, Саудовская Аравия, Ливия и другие мусульманские страны. Опосредованно они противостояли другим державам, которые поддерживали противоположные

стороны конфликта. Ответ на вопрос, относятся ли указанные вооруженные конфликты к неклассическим войнам в современном понимании, будет отчасти утвердительным, отчасти отрицательным одновременно.

Как было сформулировано ранее, неклассическая война – это вооруженный конфликт, в котором военные цели достигаются с использованием НЭНК. Следовательно, поскольку в вышеупомянутых войнах использовалась прямая военная сила, например американцами – во Вьетнаме, Советским Союзом – в Афганистане, неклассическими в полном смысле этого термина их назвать нельзя. Однако тот факт, что сверхдержавы поддерживали ту или иную сторону (например, СССР – вьетконговцев, американцы – моджахедов соответственно), в том числе вооружением и военной техникой, разведданными, предоставляли экономическую помощь и политико-дипломатическую поддержку, вели пропагандистские кампании, а также информационно-психологические операции (см.: [Linebarger, 1948 ; Манойло, 2018]), говорит о соответствии этих вооруженных конфликтов признакам неклассических войн, поскольку применялись НЭНК. Отметим, что осуществляемые странами «коллективного» Запада *опосредованные войны (прокси-войны)*, под которыми понимаются войны, где есть акторы, использующие друг против друга прямую военную силу, и стороны, действующие опосредованно друг против друга через поддержку акторов, участвующих в боевых действиях напрямую, имеют некоторые признаки современных неклассических войн. Особенно активно в прокси-войнах участвуют США [Зайцев, Манойло, 2021 ; Батюк, 2006].

В то же время для ведения опосредованной войны должно выполняться такое условие, как наличие поддерживаемого и зависимого прокси-актора (прокси-государства или прокси-формирования в виде влиятельного военно-политического движения; далее они будут обозначаться как прокси-актор), руками которого осуществляется достижение тех или иных военно-политических целей. Иными словами, главным условием опосредованных войн является наличие зависимых акторов, которые осуществляют непосредственные боевые действия друг против друга в форме кинетических операций в интересах тех, кто этих акторов использует.

Современные неклассические войны с использованием военной силы могут осуществляться и без прокси-актора (вассала, госу-

дарства, военно-политического движения и т.п.), это не является необходимым условием. В таком случае ставка делается почти полностью на НЭНК. В этом смысле одним из наиболее примечательных примеров современных неклассических войн (конкретно – гибридной войны [«Гибридные войны» ... , 2015]) является война в Сирии, особенно период с середины 2011 по середину 2015 г. Коллективный агрессор, прежде всего страны Запада, при помощи своих ближневосточных сателлитов, руками транснациональных иррегулярных формирований, организованных по сетевому / сетцепентрическому принципу, предпринял попытку демонтировать правительство Башара Асада. Такие транснациональные формирования – ключевой НЭНК в формах неклассических войн, основанных на применении сетевых групп (иррегулярные силы, протестные движения). Благодаря новейшим организационным и сетевым технологиям удалось привлечь сотни тысяч боевиков более чем из 100 стран мира [Foreign fighters ... , 2015], чтобы использовать их для устранения военно-политического руководства Сирии.

Фактически коллективный агрессор действовал без прокси-актора (в отличие от того, как «коллективный» Запад сейчас действует через киевский режим против России), но вместо него использовал гигантскую массу боевиков, организованных сетевым образом. Стратегическим тылом боевиков была значительная часть государств мира; территорию и базы для их подготовки предоставляли такие страны, как Иордания и Турция; оружие поставляли Балканские страны, а также страны Центральной и Восточной Европы [Gaytandzhieva, 2019]; финансирование предоставляли страны Персидского залива (Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар) [Кузьмин, Соколов, 2018 ; Alsharif, 2012] и ряд стран «коллективного» Запада; стратегическое управление осуществлялось странами Запада (прежде всего – США [Ходынская-Голенищева, 2018, с. 178–192], Великобританией [Ibid., с. 278–285], Францией [Ibid., с. 429, 445]); логистика – Турцией и странами Персидского залива [Ibid., с. 166].

Технологии организации боевиков, но на более низком организационно-технологическом уровне, были опробованы ранее, например во времена войн в Афганистане и Боснии. Так, пакистанская межведомственная разведка ISI готовила моджахедов для заброса в Афганистан, в том числе на территории стран Ближнего Востока.

Во время Боснийской войны ряд мусульманских стран организовал релокацию добровольцев-боевиков в зону боевых действий [История военно-политических … , 2020, с. 183–184]. Однако с тех пор возрос уровень организации, а новые информационные технологии позволяют обеспечивать непрерывное руководство и постоянное взаимодействие пространственно разделенных тактических группировок войск, которые имеют возможность поддерживать между собой связь и координировать свои действия в любой обстановке [Попов, Хамзатов, 2018, с. 503]. Наличие единой информационно-управляющей среды позволяет рассматривать совокупность пространственно разнесенных тактических группировок в рамках центрально-сетевых операций как некую формально неструктурированную группировку оперативно-стратегического или стратегического масштаба. На территории жертвы агрессии формируется «облачный» (аморфный) противник [Ibid., с. 505], но все основные структурные элементы системы обеспечения такого противника находятся в странах, которые формально не участвуют в конфликте. На тактическом уровне основой являются «боевые стаи», действующие согласно единой централизованной стратегии, но с децентрализованной тактикой.

В современных неклассических войнах возможно достижение военного и, как следствие, политического результата без прокси-актора. Это демонстрируют успешные «цветные революции» [Меркулов, Елисеев, Бочанов, 2016 ; Стригунов, Манойло, Безвербный, 2021 ; Пономарёва, 2021] и война в Сирии (гибридная фаза, до вступления в войну России).

Опосредованность и прямое участие в неклассических войнах

Еще один вопрос, который следует прояснить в обсуждаемой теме, – это вопрос о том, какими именно бывают опосредованность и прямое участие, осуществляемые в форме военно-силового участия (кинетические операции) и некинетического участия – информационно-психологические войны (ИПВ) и кибервойны (КВ).

Опосредованность в применении прямой военной силы не означает опосредованность в использовании оружия, средств, методов и технологий ИПВ и КВ. При этом нападающая сторона может демонстрировать, что ведет прямую войну против государ-

ства-мишени. Такой же подход возможен и при ведении кибератак, хотя он используется реже, чем при ведении ИПВ, поскольку кибератаки проще замаскировать. Военно-силовое прямое участие, будь то масштабное или ограниченное, подразумевает применение физического насилия и кинетических операций, в то время как ИПВ и КВ относятся к некинетическим операциям. В связи с этим важно оценить, при каких условиях возможна опосредованность (например, через наемников, добровольцев и т.п.) и как на это влияет наличие прокси-актора. Использование наемников также является опосредованным участием того или иного субъекта в вооруженном конфликте, так как задействовать наемников напрямую (от своего имени) против своего противника субъект (государство) старается избегать, поскольку это будет считаться прямой агрессией. Так было и до того, как государства перешли к регулярным армиям, когда вместо собственных вооруженных сил использовались наемные армии. Последние выполняли роль вооруженных сил и состояли во многом из иностранцев, получавших жалование; кроме того, им отдавались занимаемые земли на разграбление.

В современную эпоху задействовать наемников против главного противника можно в двух основных случаях.

Первый случай – когда одно государство участвует в вооруженном конфликте против государства-мишени на территории третьего государства, выступающего в роли прокси-актора. Тогда государство может предоставлять помочь третьей стороне наемниками и добровольцами, используя третье государство в качестве прокси-актора. Примеры – вооружение моджахедов американцами во время Афганской войны 1979–1989 гг. [Христофоров, 2016]; предоставление помощи воюющим сторонам в Югославских войнах [Димитровска, 2019 ; Mirchevski, 2013]; заброска западных наемников в зону проведения СВО для поддержки киевского режима [О взаимодействии … , 2022 ; Минобороны сообщило … , 2023].

Второй случай – применение наемников непосредственно против государства-мишени, наравне с боевиками-террористами, криминальными элементами и другими иррегулярными формированиями. Пример – война в Сирии [Манойло, 2020 ; Basra, Neumann, Brunner, 2016]. Иными словами, второй случай отличается от первого тем, что в нем отсутствует государственный про-

кси-актор, через которого опосредованно воздействуют на государство-мишень. Если прокси-актор (конкретно – государство) уже имеет собственные регулярные вооруженные силы, то наемники, добровольцы и т.п. способствуют их усилению, встраиваясь в уже существующую государственную военную организацию. В случае Сирии прокси-актор отсутствовал, а сама Сирия подверглась агрессии со стороны государств, которые формально в прямом вооруженном конфликте с ней не состояли, но предоставляли свою территорию для подготовки боевиков и другую помощь.

Рассмотрим отличия неклассической войны против Сирии от войны в Афганистане (1979–1989) и от Боснийской войны (1992–1995).

В Афганистане численность моджахедов на пике составляла 173 тыс. [Ограниченный контингент … , 2023], а общая численность иностранных боевиков – 35 тыс. (с 1982 по 1992 г.) [Grudzen, Akdogan, Olando, 2017], и большая часть из них принимала участие в боевых действиях на стороне моджахедов на нерегулярной основе. Таким образом, доля иностранцев не превышала 20% от общей численности боевиков (более правдоподобными представляются цифры порядка 5–7%). Влияние иностранцев («арабских афганцев») на ход войны следует оценить как незначительное.

Во время Боснийской войны численность Армии Республики Босния и Герцеговина (АРБиГ), включая резервистов, составляла порядка 220 тыс. человек [Central and Southeast … , 2010 ; Shrader, 2003]. Хорватский совет обороны (ХСО), по оценкам, включал порядка 50 тыс. человек [Combatant forces … , 1993, р. 6]. Югославская народная армия (ЮНА) насчитывала 80 тыс. человек [Baumann, Gawrych, Kretchik, 2012, р. 25]. Касательно количества добровольцев и наемников, принимавших участие на той или иной стороне в Боснийской войне, оценки разнятся, однако с высокой долей уверенности можно говорить о том, что общее количество добровольцев и наемников составляло не более 3–4% от общей численности вооруженных сил всех противоборствующих сторон.

В Сирии иностранные боевики играли ключевую роль в агрессии против правительенных сил. Только на 2013 г. общая численность группировок (их количество оценивается от нескольких сотен до тысячи) составляла 100 тыс. человек, основная масса из которых приходилась на иностранцев [На стороне … , 2013].

Таким образом, коллективный агрессор попытался сокрушить Сирию преимущественно усилиями организованных им иностранных иррегулярных формирований. При этом сами страны, выступившие в роли заказчиков агрессии против Сирии, формально вообще не участвовали в конфликте или их участие было локальным. Кроме того, отсутствовало и прокси-государство (или прокси-государства), как это было во время Боснийской войны.

Таким образом, Сирийская война является во многом уникальной, она велась против сирийского государства не через прокси-актора при поддержке добровольцев и / или наемников, а с упором именно на иностранные иррегулярные формирования. Организация и релокация в зону конфликта боевиков, действовавших против сирийских правительственные сил, осуществлялась с использованием новейших на тот момент технологий сетевой организации (см.: [Попов, Хамзатов, 2018, с. 502–506]). Вероятно, Сирийская война наиболее близка к определению *гибридной войны в узком смысле* – неклассической войны, в основе которой лежит использование сетевым образом организованных иррегулярных формирований (данное определение отличается от определения в работе [Hoffman, 2007]). Схожим случаем является Ливия (2011 г.) до начала интервенции НАТО.

Иррегулярные и асимметричные классические войны отличаются от *гибридных войн в узком смысле* (см. ранее) тем, что в них иностранные субъекты на территории государства-мишени оказывают поддержку местному военно-политическому движению (движениям) – повстанцам, партизанам, инсургентам, террористам и другим силам, – чтобы бросить вызов правительству (напр., войны в Никарагуа и Сальвадоре [Строганова, 2012 ; Wright, 2001]). Однако это является поддержкой уже существующей антиправительственной силы иррегулярного типа, которая несет основную тяжесть боевых действий.

В Сирии ситуация иная. Оппозиция и антиправительственные силы в целом не имели достаточного потенциала для противодействия Б. Асаду. Тогда коалиция западных и ближневосточных держав сумела ее нарастить, – в первую очередь за счет мощного притока иностранных боевиков, организованных в иррегулярные формирования, которые стали основной силой в попытке свергнуть сирийское правительство. То есть в иррегулярных классических войнах ставка делается в основном на существующие мест-

ные формирования, а поддерживающие их иностранные наемники и добровольцы играют в лучшем случае второстепенную роль. В Сирии же осуществлялось в буквальном смысле иностранное вторжение, но не собственно государственных вооруженных сил (подразделений, частей и т.п.), а боевиков, криминальных элементов, откровенных террористов и наемников, релоцированных из более чем 100 стран мира и аккумулированных в Сирии. Таким образом, роль основной ударной силы в Сирии играли иностранные боевики, организованные сетевым / сетецентрическим способом в иррегулярные формирования.

Именно это коренным образом отличает неклассические войны от классических иррегулярных / асимметричных войн, в которых иностранные акторы предоставляют поддержку уже существующим военно-политическим движениям (конгломератам иррегулярных формирований), способным противостоять правительству и играющим роль основной ударной силы. Однако если такого движения нет или оно не обладает необходимыми ресурсами, то, как показала война в Сирии, благодаря современным организационным технологиям возможно релоцировать гигантское количество боевиков со всего мира, организовав их в иррегулярные группировки и сделав основной ударной силой против правительственных войск (сил). В этом состоит различие в опосредованности между классическими иррегулярными / асимметричными войнами и неклассическими войнами.

Влияние неклассических войн на фрагментацию международной системы

Еще одна специфическая черта неклассических войн, осуществляемых странами «коллективного» Запада, – их содействие фрагментации системы международных отношений. Данная проблема стала особенно актуальной, начиная с последней трети XX в., когда сложились все необходимые условия для перехода к альтернативным средствам, методам и технологиям достижения целей, сопоставимых с целями, которые достигаются путем классической войны. Применение такого рода средств, методов и технологий должно удовлетворять как минимум некоторым ключевым условиям:

- 1) минимизация риска военного ответа со стороны объекта-мишени (государства, против которого применяются указанные средства, методы и технологии неклассических войн);
- 2) стремление к наибольшей контролируемости процесса демонтажа неугодного политического режима через постепенное наращивание инжектируемых ресурсов в антиправительственные движения, калибруя их количество и дополняя новыми типами в соответствии с тем уровнем стойкости, который демонстрирует неугодный политический режим, а также сообразно стратегической цели агрессора;
- 3) создание агрессором своего максимально положительного образа, включающего «поддержку народа», выступившего против «тирании», «притеснения меньшинств», «нарушения прав человека» или чего-либо еще, что можно отнести к «общечеловеческим ценностям»; агрессор камуфлирует свои действия любыми благовидными предлогами;
- 4) необходимость действовать вне правового поля, но с тем расчетом, чтобы, в соответствии с существующим международным правом, не выглядеть агрессором, для чего используется неприспособленность современных международных институтов (прежде всего ООН) к новым формам неклассических войн;
- 5) наличие средств, способов коммуникации и организации, кардинально отличающихся по своим количественным и качественным характеристикам от тех, что использовались ранее, позволяющих организовать наибольшее число людей за как можно меньшее время, даже если все участники процесса территориально находятся далеко друг от друга;
- 6) поскольку воздействие должно быть непрямым и во многом опосредованным, агрессору необходимо действовать с опорой на исследования организационного поведения и рефлексивного управления (обеспечения «добровольной» подчиняемости) [Грачев, Мельник, 1999];
- 7) агрессор стремится к тому, чтобы конечный политический результат применения технологий демонтажа неугодного режима был сопоставим с результатом от классической войны, а также к тому, чтобы этот результат фиксировался и сохранялся в долгосрочной перспективе, для чего нужно перехватить контроль над

государством-мишенью (ярким примером служит ситуация на Украине после переворота 2014 г.);

8) для эффективного осуществления активной фазы демонтажа политического режима требуется предварительный этап подготовки: выявление уязвимостей в институциональной системе государства-мишени, подбор подходящих оппозиционных кандидатов, постепенное вовлечение социальных страт в ценностную систему агрессора, использование зависимости государства-мишени от иностранных кредитов, технологий и инвестиций (последнее также может быть использовано для оказания дополнительного давления на неугодную власть государства-мишени);

9) использование против государства-мишени подконтрольного государства более высокого порядка, т.е. государства, имеющего высший приоритет с точки зрения демонтажа политического режима, но в котором в данный исторический момент осуществление демонтажа не представляется возможным, поскольку требует неприемлемых ресурсозатрат и / или приведет к неприемлемым побочным военно-политическим, репутационным и экономическим издержкам;

10) адаптация технологий неклассических войн под конкретный тип общественно-политической системы государства-мишени, а также возможность калибровки этих технологий для достижения более ограниченных целей, позволяющих агрессору в собственных интересах влиять на государство-мишень против воли его политического руководства.

Соблюдение всех или нескольких вышеуперечисленных условий позволяет агрессору преодолевать защитные рубежи государства-мишени, не применяя прямую военную силу, т.е. возникает реальная возможность добиться того же результата, что и в случае нанесения поражения государству-мишени в ходе прямой (классической) войны. Одновременно все международное сообщество практически исключается из процесса как субъект, неспособный значимо влиять на ситуацию. И ООН, и другие организации оказались неспособны пресечь подобного рода конфликты на любой стадии, поскольку агрессор действовал за пределами существующих правил и норм. Фактически технологии неклассических войн обходят защитные механизмы существующей архитектуры международной безопасности, практически не замечая их. Специфика используемых странами Запада средств, методов и технологий не-

классических войн является катализатором фрагментации международной системы, препятствуя национальным государствам и их экономическим системам, институтам и политическим элитам выработать консолидированное видение и понимание общих приоритетов глобального развития (и в данном случае война против Сирии – весьма показательный пример).

На основании проведенного анализа, можно сделать следующие выводы. Сравнение Боснийской и Афганской войн с войной в Сирии показывает, что, если в Афганистане США и их союзники *использовали уже имевшиеся возможности* (военно-политическое движение моджахедов), а в Боснийской войне разные стороны делали ставку на уже сформированные вооруженные силы (АРБиГ, ХСО, ЮНА), то в Сирии коалиция агрессоров *создавала эти возможности*, привлекая в эту страну иностранных боевиков и делая на них основную ставку. Кроме того, в Афганистане большая часть моджахедов состояла из местных жителей различных этноконфессиональных групп (пуштунов, таджиков, узбеков, хазарейцев и др.); в Сирии же, напротив, большая часть группировок состояла из иностранных боевиков, которые и стали основной ударной силой.

Помимо этого, в Сирии применялись организационные технологии нового уровня, благодаря которым удалось релоцировать и аккумулировать в государстве-мишени боевиков из более чем 100 стран мира. Боевики действовали в рамках централизованной стратегии, но с децентрализованной тактикой (так называемые «боевые стаи»), важную роль играли сетецентрические методы организации и управления. Примечательно, что ни в Афганскую войну, ни в Боснийскую войну иностранные силы не смогли организовать приток такого количества добровольцев, наемников, террористов и пр., как в Сирийскую войну. Война в Сирии показала, что опосредованность в неклассических войнах достижима даже в отсутствие прокси-актора (государства или военно-политического движения), поскольку за счет новейших технологий релокации иностранных боевиков непосредственно в государство-мишень наличие прокси-актора становится необязательным. В этом и состоит принципиальная разница между современными неклассическими (конкретно – гибридными) войнами и классическими опосредованными войнами прошлого и настоящего.

Наконец, отметим, что неклассические войны, которые ведут западные страны (особенно США и Великобритания), становятся причиной все большей фрагментации международной системы, усугубляя этот мегатренд. Это обусловлено тем, что неклассические войны, как и их аналоги, классические войны, разрушают государства, буквально дробя политическую карту мира, усиливая международную напряженность. Государства радикально ослабляются, лишаются суверенитета, что приводит к гуманитарным катастрофам, экономическим кризисам, а также к возникновению миграционных потоков, приносящих политический, экономический и психологический урон разным странам (как было в случае Европейского союза во время Сирийской войны), а вместе с этим обостряются накопившиеся геополитические противоречия (в частности, между Россией и странами Запада). Использование средств, методов и технологий неклассических войн, позволяющих обходить ограничения и риски классических войн, порождает соблазн сделать на них основную ставку при реализации собственных интересов в ущерб интересам других международных акторов. Это, в свою очередь, вызывает ответную реакцию государств-мишеней, и в итоге создает самоподдерживающийся механизм эскалации, запуск которого повышает риск уже прямого вооруженного противостояния между мировыми акторами, вплоть до массированного применения неконвенционального оружия.

В связи с этим особенно актуален вопрос о создании новых механизмов предотвращения неклассических войн, поскольку для решения столь важной, масштабной и сложной задачи нынешние механизмы ООН и других международных организаций малоэффективны.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Батюк В.И. (2006). Россия, США и «цветные революции» // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия : Политология. – Москва. – № 8. – С. 15–26 [Batyuk V.I. (2006). Russia, USA and «color revolutions» [Rossija, SShA i «cvetnye revoljucii»] // Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series : Political science. – Moscow. – Issue 8. – P. 15–26]. (In Russian).

«Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века. (2015) / Под ред. П.А. Цыганкова, А.Ю. Шутова. – Москва. – 384 с. [«Hybrid wars» in the chaotic world of the 21st century [«Gibridnye vojny» v haotizirujushhemsja mire XXI veka]. (2015) / P.A. Tsygankov, A.Yu. Shutov (Eds.). – Moscow. – 384 p.]. (In Russian).

Грачев Г.В., Мельник И.К. (1999). Манипулирование личностью : организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. – Москва : RUGRAM. – 230 с. [Grachev G.V., Mel'nik I.K. (1999). Personality manipulation : organization, methods, and technologies of information and psychological influence [*Manipulirovanie lichnosti : organizacija, sposoby i tehnologii informacionno-psihologicheskogo vozdeystviya*] – Moscow : RUGRAM. – 230 p.]. (In Russian).

Димитровска А. (2019). Деятельность международных террористических организаций в странах Западных Балкан : дисс. ... канд. полит. наук. – Москва. – 269 с. [Dimitrovska A. (2019). Activities of international terrorist organizations in the countries of the Western Balkans [*Dejatel'nost' mezhdunarodnykh terroristicheskikh organizacij v stranah Zapadnyh Balkan*] : Ph.D. thesis. – Moscow. – 269 p.]. (In Russian).

Зайцев А.Я., Манойло А.В. (2021). Роль частных военных компаний в использовании технологий «облачного противника» // Вестник Российской академии наук. – Т. 91, № 2. – С. 167–173 [Zaitsev A.Ya., Manoilo A.V. (2021). The role of private military companies in the use of «cloud adversary» technologies [*Rol' chastykh voennyyh kompanij v ispol'zovanii tehnologij «oblachnogo protivnika»*] // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. – Moscow. – Vol. 91, Issue 2. – P. 167–173]. (In Russian).

История военно-политических конфликтов : пособие для курсантов, проходящих обучение в военных учебных заведениях. (2020) / Под общей редакцией А.В. Зырянова. – Минск : БНТУ. – 262 с. [History of military-political conflicts : a manual for cadets undergoing training in military educational institutions [*Istorija voenno-politicheskikh konfliktov : posobie dlja kursantov, prohodjashhih obuchenie v voennyyh uchebnyh zavedenijah*]. (2020) / A.V. Zyryanov (Ed.). – Minsk : BNTU. – 262 p.]. (In Russian).

Кузьмин В.А., Соколов Н.В. (2018). Цели и позиции Саудовской Аравии и Ирана в сирийском вопросе // Мусульманский мир. – Казань. – № 1. – С. 6–11 [Kuz'min V.A., Sokolov N.V. (2018). Goals and positions of Saudi Arabia and Iran in the Syrian issue [*Celi i pozicii Saudovskoj Aravii i Irana v sirijskom voprose*] // Muslim World. – Kazan. – Issue 1. – P. 6–11]. (In Russian).

Манойло А.В. (2018). Информационные войны и психологические операции : руководство к действию. – Москва : Горячая линия–Телеком. – 494 с. [Manoilo A.V. (2018). Information warfare and psychological operations : guide to action [*Informacionnye vojny i psihologicheskie operacii : rukovodstvo k dejstviju*] – Moscow : Hotline–Telecom. – 494 p.]. (In Russian).

Манойло А.В. (2020). Конфликт в Сирии и внешняя политика России // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 2. – С. 145–172. [Manoilo A.V. (2020). The conflict in Syria and Russian foreign policy [*Konflikt v Sirii i vneshnjaja politika Rossii*] // Current Problems of Europe / RAS, INION. – Moscow. – Issue 2. – P. 145–172]. (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2020.02.06.

Меркулов П.А., Елисеев А.Л., Бочанов М.А. (2016). «Цветные революции» как технологии современной геополитики. – Орел : Издательство ОФ РАНХиГС. – 138 с. [Merkulov P.A., Eliseev A.L., Bochanov M.A. (2016). «Color revolutions» as technologies of modern geopolitics [*«Cvetnye revoljucii» kak tehnologii*

sovremennoj geopolitiki]. – Orel : Publishing House of the RANEPA. – 138 p.]. (In Russian).

Минобороны сообщило о свыше 11,5 тыс. привлеченных Киевом наемников-иностранных. (2023) // ТАСС. – Москва. – 10.07. – URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/18235221> (дата обращения: 29.11.2023) [The Ministry of Defense reported over 11.5 thousand foreign mercenaries attracted by Kiev [*Minoborony soobshhilo o svyse 11,5 tys. privlechennyh Kievom naemnikov-inostrancev*]. (2023) // TASS. – Moscow. – 10.07. – URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/18235221> (date of access: 29.11.2023)]. (In Russian).

На стороне оппозиции в Сирии воюют 100 тысяч наемников, заявляет муфтий. (2013) // Интерфакс. – Москва. – 27.10. – URL: <https://www.interfax.ru/world/337260> (дата обращения: 29.11.2023) [100 thousand mercenaries are fighting on the side of the opposition in Syria, says the mufti [*Na storone oppositsii v Siriivoyuyut 100 tysyach naemnikov, zayavlyayet mufti*]. (2013) // Interfax. – Moscow. – 27.10. – URL: <https://www.interfax.ru/world/337260> (date of access: 29.11.2023)]. (In Russian).

О взаимодействии США с террористическими группировками. (2022) / Служба внешней разведки Российской Федерации. – Москва. – 17.05. – URL: <http://svr.gov.ru/smi/2022/05/o-vzaimodeystvii-ssha-s-terroristicheskimi-gruppirovkami.htm> (дата обращения: 29.11.2023) [On the interaction of the United States with terrorist groups [*O vzaimodeystvii SSHA s terroristicheskimi gruppirovkami*]. (2022) / Foreign intelligence service of the Russian Federation. – Moscow. – 17.05. – URL: <http://svr.gov.ru/smi/2022/05/o-vzaimodeystvii-ssha-s-terroristicheskimi-gruppirovkami.htm> (date of access: 29.11.2023)]. (In Russian).

Ограниченный контингент советских войск. (2023) / Министерство обороны Российской Федерации. – Москва. – URL: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=11901960@cmsArticle> (дата обращения: 29.11.2023) [Limited contingent of Soviet troops [*Ogranichennyj kontingent sovetskikh vojsk*]. (2023) / Ministry of Defense of the Russian Federation. – Moscow. – URL: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=11901960@cmsArticle> (date of access: 29.11.2023)]. (In Russian).

Пономарёва Е.Г. (2021). Протестное движение в Белоруссии : эволюция, технологии, символы // Обозреватель. – Москва. – № 2. – С. 5–28 [Ponomareva E.G. (2021). Protest movement in Belarus : evolution, technology, symbols [*Protestnoe dvizhenie v Belorussii : jevoljucija, tehnologii, simvoly*] // Observer. – Moscow. – Issue 2. – P. 5–28]. (In Russian).

Попов И.М., Хамзатов М.М. (2018). Война будущего : концептуальные основы и практические выводы : очерки стратегической мысли. 3-е изд., испр. – Москва : Кучково поле. – 832 с. [Popov I.M., Khamzatov M.M. (2018). Future warfare : conceptual framework and practical implications : essays on strategic thought [*Vojna budushhego : konceptual'nye osnovy i prakticheskie vyvody : ocherki strategicheskoy mysli*]. 3rd ed., rev. – Moscow : Kuchkovo Pole. – 832 p.]. (In Russian).

Стригунов К.С. (2023). Особенности современных неклассических войн : формы, методы, технологии : дисс. ... канд. полит. наук. – Москва. – 285 с. [Strigunov K.S. (2023). Features of modern non-classical wars : forms, methods, tech-

nologies [*Osobennosti sovremennoy neklassicheskikh vojn : formy, metody, tehnologii*] : Ph.D. thesis. – Moscow. – 285 p.]. (In Russian).

Стригунов К.С., Манойло А.В. (2019). Фундаментальный механизм и законы неклассической войны // Гражданин. Выборы. Власть. – Москва. – № 4. – С. 157–193 [Strigunov K.S., Manoilo A.V. (2019). Fundamental mechanism and laws of non-classical war [*Fundamental'nyj mehanizm i zakony neklassicheskoy vojny*] // Citizen. Elections. Power. – Issue 4. – P. 157–193]. (In Russian).

Стригунов К.С., Манойло А.В., Безвербный В.А. (2021). Фейки, вбросы, государственные перевороты и демографические войны. – Москва : Горячая линия–Телеком. – 408 с. [Strigunov K.S., Manoilo A.V., Bezverbnui V.A. (2021). Fakes, stuffing, coups d'état and demographic wars [*Fejki, vbrosy, gosudarstvennye perevoryoti i demograficheskie vojny*] – Moscow : Hotline–Telecom. – 408 p.]. (In Russian).

Строганова Е.Д. (2012). Политика США в отношении левых режимов Латинской Америки. Часть пятая // Берегиня-777-Сова. – Москва. – № 4 (15). – С. 51–60 [Stroganova E.D. (2012). US policy towards leftist regimes in Latin America. Part five [*Politika SSHA v otnoshenii levyh rezhimov Latinskoj Ameriki. Chast' pjataja*] // Bereginya-777-Owl. – Moscow. – Issue 4(15). – P. 51–60]. (In Russian).

Ходынская-Голенищева М.С. (2018). Сирийский кризис в трансформирующейся системе международных отношений : дисс. ... доктор. истор. наук. – Москва. – 1047 с. [Khodynskaya-Golenishcheva M.S. (2018). The Syrian crisis in the transforming system of international relations [*Sirijskij krizis v transformirujushhejsja sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij*] : Sc.D. thesis. – Moscow. – 1047 p.]. (In Russian).

Христофоров В.С. (2016). Афганистан : военно-политическое присутствие СССР 1979–1989 гг. / РАН, ИРИ. – Москва. – 544 с. [Khristoforov V.S. (2016). Afghanistan : military-political presence of the USSR 1979–1989 [*Afganistan : voenno-politicheskoe prisutstvie SSSR 1979–1989 gg.*] / RAS, IRI. – Moscow. – 544 p.]. (In Russian).

Alsharif A. (2012). Saudi Arabia and Qatar funding Syrian rebels // Reuters. – Jeddah. – 23.06. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-syria-crisis-saudi/saudi-arabia-and-qatar-funding-syrian-rebels-idUSBRE85M07820120623> (date of access: 29.11.2023).

Basra R., Neumann P., Brunner C. (2016). Criminal pasts, terrorist futures : European Jihadists and the new crime-terror nexus / International centre for the study of radicalisation (ICSR). – London. – 54 p. – URL: <https://icsr.info/wp-content/uploads/2016/10/ICSR-Report-Criminal-Pasts-Terrorist-Futures-European-Jihadists-and-the-New-Crime-Terror-Nexus.pdf> (date of access: 29.11.2023).

Baumann R., Gawrych G., Kretchik W. (2012). Armed peacekeepers in Bosnia. – Scotts Valley, CA : Create Space independent publishing platform. – 256 p.

Central and Southeast European politics since 1989. (2010) / S. Ramet (Ed.). – Cambridge : Cambridge univ. press. – 600 p.

Combatant forces in the former Yugoslavia. (1993) / Central intelligence agency (CIA). – Langley, VA. – URL: <https://clinton.presidentiallibraries.us/items/show/12328> (date of access: 29.11.2023).

Foreign fighters : an updated assessment of the flow of foreign fighters into Syria and Iraq. (2015) / The Soufan Group. – New York. – 26 p. – URL: https://www.cvereferenceguide.org/sites/default/files/resources/TSG_ForeignFightersUpdate3.pdf (date of access: 29.11.2023).

Gaytandzhieva D. (2019). US task force Smoking Gun smuggles weapons to Syria : Serbia files (part 2) // Arms Watch. – Sofia. – 02.09. – URL: <http://armswatch.com/us-task-force-smoking-gun-smuggles-weapons-to-syria-serbia-files-part-2/> (date of access: 29.11.2023).

Grudzen G., Akdogan F., Olando M. (2017). Burying the sword : confronting Jihadism with interfaith education. – Bloomington : AuthorHouse. – 194 p.

Hoffman F. (2007). Conflict in the 21st century : the rise of hybrid wars. – Arlington, VA : Potomac institute for policy studies. – 72 p.

Linebarger P. (1948). Psychological warfare. – Washington, D.C. : Infantry journal press. – 259 p.

Mirchevski N. (2013). Moderate Balkan Muslims are targeted by Wahhabis and the Muslim Brotherhood / Center for Islamic pluralism. – San Francisco, CA. – 04.10. – URL: <http://www.islamicpluralism.org/2303/moderate-balkan-muslims-are-targeted-by-wahhabis> (date of access: 29.11.2023).

Shrader C. (2003). The Muslim-Croat civil war in Central Bosnia : a military history, 1992–1994. – College Station, TX : Texas A&M univ. press. – 248 p.

Wright T. (2001). Latin America in the era of the Cuban revolution. – Westport, CT : Praeger. – 236 p.

DOI: 10.31249/ape/2024.01.04

© Alaudinov A.A.¹, Manoilo A.V.², © Strigunov K.S.³

**Specifics of non-classical wars
and their influence on the fragmentation
of the international system**

Abstract. The article examines some examples of non-classical wars unleashed by a number of Western countries and their differences from

¹ **Alaudinov Apty Aronovich** – PhD in Political Sciences, commander of the AKHMAT special forces deputy commander of the 2nd Army Corps of the 8th Army, Southern Military District, Ministry of Defense of the Russian Federation.

² **Manoilo Andrey Viktorovich** – ScD in Political Sciences, Leading Researcher, INION RAN; Professor of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO University; cyberhurricane@yandex.ru

³ **Strigunov Konstantin Sergeevich** – PhD in Political Sciences, Leading Analyst, Association of Information Warfare Specialists; sk6891@gmail.com

classical wars including irregular and asymmetrical ones. These differences are illustrated by the wars in Bosnia, Afghanistan, and Syria. Particular attention is paid to the proxy-factor. The authors showed that proxy-factor cannot be a criterion by which it is possible to distinguish between classical and non-classical wars. It is concluded that in classical irregular and asymmetric wars the state provides support to already existing political regimes or military-political movements. In non-classical wars, especially in their hybrid forms, the main emphasis is on irregular paramilitary formations, accumulated and relocated to the target state from different regions of the world using network and network-centric methods. This actually creates a powerful conglomerate of irregular formations, on which the main stake is placed in hybrid wars. At the same time, it is noted that the use of means, methods and technologies of non-classical wars leads to fragmentation of the international system and thereby destabilizes it. Through non-classical wars it is possible to bypass international institutions and achieve military-political goals comparable to those achieved using the means and methods of classical wars. As the main research methods, in addition to general scientific research methods (analysis, synthesis, induction, deduction), this work used a comparative approach, which made it possible to identify similarities and differences between some classical and non-classical wars unleashed by Western countries, and a systematic approach, which made it possible to consider non-state actors as systems that are influenced by external factors, primarily states. This work is based on neorealism according to which non-state actors are increasingly influential on the international arena.

Keywords: non-classical wars, hybrid wars, irregular wars, proxy wars, Western countries, fragmentation.

Статья поступила в редакцию (Received) 20.010.2023

Доработана после рецензирования (Revised) 23.10.2023

Принята к публикации (Accepted) 27.10.2023